

Гербер Ольга Александровна

"РАСКУЛАЧИВАНИЕ" НЕМЕЦКОЙ ДЕРЕВНИ В СИБИРИ: ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ. 1929-1935 ГГ.

В статье определены этапы и особенности "раскулачивания" немецкой деревни. В частности, показано, что в немецких колониях процент "выявленных кулаков" был значительно выше, чем в Сибири в целом, экспроприация крестьянских хозяйств в основном проводилась без участия батрацко-бедняцких групп и бедняцко-середняцкого актива. По мнению автора, основными методами, посредством которых государство достигало своих целей, были административное принуждение и репрессии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 50-55. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб., 1913. 280 с.
2. Блинов И. А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905. 365 с.
3. Высочайше утверждённый Общий наказ гражданским губернаторам: именной указ, данный Сенату, № 10303 от 3 июня 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. Собрание II. Т. XII. Отд. 1.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1.
5. Роббинс Р. Наместник или слуга? // Отечественная история. 1993. № 1. С. 202-213.

**GOVERNORS' REPORTS IN LOCAL ADMINISTRATION SYSTEM OF RUSSIA
IN THE SECOND QUARTER OF THE XIXTH CENTURY (BY MATERIAL OF PENZA PROVINCE)**

Vakilev Timur Ramilevich
Penza State University
vakilev_t@rambler.ru

The author considers the governor's report as a part of local administration system during the era of Nicholas I, covers the emergence and evolution of reports in the overall process of bureaucratization in the country and the complication of administration system, shows that "Instructions for Civil Governors" and reports were an organic part of Nicholas's "conservative modernization", and tells that the novelty of this article is the study of relationships between the supreme authorities and local administration through the consideration of the reports of the second quarter of the XIXth century, as there are few works on this period.

Key words and phrases: annual governor's report; local administration; officialdom; provincial administration; province; Nicholas I; Minister of the Interior; "Instructions for Civil Governors".

УДК 947.084.6(571.5)

Исторические науки и археология

В статье определены этапы и особенности «раскулачивания» немецкой деревни. В частности, показано, что в немецких колониях процент «выявленных кулаков» был значительно выше, чем в Сибири в целом, экспроприация крестьянских хозяйств в основном проводилась без участия батрацко-бедняцких групп и бедняцко-средняцкого актива. По мнению автора, основными методами, посредством которых государство достигало своих целей, были административное принуждение и репрессии.

Ключевые слова и фразы: крестьянство; раскрестьянивание; «раскулачивание»; «кулаки»; «ликвидация кулачества как класса»; Немецкий район; немецкие колонии.

Гербер Ольга Александровна, к.и.н., доцент
Сибирский университет потребительской кооперации
gerberoa@mail.ru

**«РАСКУЛАЧИВАНИЕ» НЕМЕЦКОЙ ДЕРЕВНИ В СИБИРИ:
ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ. 1929-1935 ГГ. ©**

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. крестьяне стали главным объектом репрессий в рамках проводимой государством политики раскрестьянивания – «раскулачивания» и сплошной коллективизации. До 1928 года «кулаки» как самостоятельная социальная категория не была юридически оформлена и потому не имела чётких социальных границ. Впервые признаки «кулацких» хозяйств были определены в «Положении о сельскохозяйственном налоге на 1928/1929 год» (21 апреля 1928 г.) [18, с. 73].

Прямым прологом ликвидации крестьянских хозяйств, отнесённых к «кулацким», историки считают постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» (21 мая 1929 г.) [19, с. 221-222]. Определённые в постановлении признаки оценивались исследователями как «неточные», «расширительные», «неопределённые», именно они давали возможность причислить к «кулацким» хозяйства бедняков и середняков [17, с. 47, 50; 22, с. 54].

Усиление наступления на «кулачество», переросшее в его ликвидацию, как известно, началось в 1928-1929 гг. и в основном связано с хлебозаготовительными «кризисами». Основными методами, посредством которых государство достигало своих целей, стали административное принуждение и репрессии.

Летом и осенью 1929 г. в немецких колониях Сибири проводилась кампания по «выявлению кулацких хозяйств». При этом местным органам власти была предоставлена самостоятельность. В Барабинском округе к «кулацким» было отнесено 4,8% крестьянских хозяйств, в Омском – 9% [14, д. 927, л. 90 об.; 25, д. 52, л. 511].

В меннонитских колониях Славгородского округа доля хозяйств, названных «кулацкими», составила 18,2%, в лютеранских колониях – 12,8% [5, д. 119, л. 1, 2 об.]. Однако критерии, избранные комиссией, и приёмы исчислений не переводимы на язык правовых норм. К «кулацким» были отнесены все крестьянские хозяйства с годовым доходом более 800 руб. (критерий СНК СССР – размер облагаемого дохода должен быть не менее 1500 руб. на хозяйство) [5, д. 119, л. 1; 20, с. 163]. В немецких деревнях процент «выявленных кулаков» был значительно выше, чем в целом по Сибири. Для сравнения: в 1929 г., по данным Сибкрайисполкома, в Сибирском крае «кулацкими» были признаны 4,7% крестьянских хозяйств [14, д. 1167, л. 30].

Немецкие колонии лютеран, католиков и меннонитов отличались относительно высоким уровнем развития, однако местные власти не учитывали, что в ходе подготовки к эмиграции весной и летом 1929 г. многие крестьянские хозяйства самоликвидировались. В Сибири именно колонии меннонитов отличались высокой агрокультурой. В связи с этим, а также в силу ряда других причин (приверженности к религии, родному языку, высокой организованности) они создавали большие трудности для местных органов власти при проведении ими различных мероприятий. Вероятно, власть учитывала и тот факт, что меннониты являлись инициаторами эмиграционного движения. Высокий процент «выявленных кулаков» объясняется конфронтацией местных органов власти и немецкоязычных колоний, стремлением усилить на них экономическое давление.

В сентябре и октябре 1929 г. секретными циркулярами НКФ СССР вносятся изменения в нормативно-правовую базу, регламентирующую признаки «кулацких хозяйств». Отмена основных ограничений в трактовке «эксплуаторских признаков» устранила препятствия к выявлению «кулацких хозяйств» и позволила идентифицировать «классовое лицо» по политическим критериям, формально «подкрепляя» их социально-экономическими признаками. Была создана «правовая» база для расширения социальной группы «кулачества» за счёт включения в неё крестьян, сопротивлявшихся политике власти, и превращения её из социально-экономической группы «сельских эксплуататоров» в социально-политическую группу «врагов Советской власти» [18, с. 78].

Осенью 1929 г. стали нарастать масштабы фактической ликвидации крестьянских хозяйств, отнесённых к «кулацким» и зажиточным. В преддверии «сплошной коллективизации» И. Сталин «нашел» «урало-сибирский» метод хлебозаготовок, в соответствии с которым они стали проводиться в порядке индивидуального обложения: беднота от них освобождалась, на «кулаков» приходилось 65% всего плана [2, с. 259].

План хлебозаготовок 1929/1930 г. для немецких колоний Сибири искусственно завышался. В Андреевском районе Славгородского округа он составлялся без учёта сокращения посевных площадей и излишков товарного хлеба. Районные уполномоченные «развёрстывали план» по отдельным хозяйствам «в рабочем порядке» [4, д. 75, л. 15]. В ходе хлебозаготовительной кампании в Благовещенском районе план менялся дважды. Если в начале кампании Гляденскому сельсовету было дано задание собрать 18 тыс. пудов хлеба, то после доведения до «кулацких хозяйств твёрдых заданий» по хлебозаготовкам план был увеличен ещё на 7 тыс. пудов [6, д. 2, л. 183; 7, д. 41, л. 196]. Аналогичная ситуация сложилась в Николаевском и Долино-Чернявском национальных сельсоветах Благовещенского района. Выполнение крестьянами Немецкого района первоначальных «твёрдых заданий» привело к «троекратному повышению плана хлебозаготовок, который в конечном счёте оказался невыполненным, несмотря на исключительный нажим местных органов власти» [16, д. 384, л. 42]. В ряде районов Омского и Славгородского округов Сибири план хлебозаготовок пересматривался и повышался 5 раз [14, д. 1164, л. 347].

При проведении хлебозаготовительных кампаний и других мероприятий руководители местных партийных и советских органов исходили из установки, что «все немецкие крестьяне являются кулаками», «немецкое крестьянство сплошь контрреволюционно» [16, д. 384, л. 42]. Эта установка и стремление местных органов власти перевыполнить план хлебозаготовок привели к широкому использованию репрессивных мер, направленных не только против «кулаков», но и против середняков и даже бедняков. Это свидетельствовало об осуществлении политики раскрестьянивания. За невыполнение «твёрдых заданий» широко применялась распродажа имущества середняцких хозяйств. В Немецком районе было распродано имущество 138 крестьянских хозяйств [14, д. 1164, л. 347]. Эта мера применялась и в Омском округе [Там же, л. 211 об.]. Формальной попыткой изменить ситуацию стала резолюция Бюро Сибкрайкома ВКП(б) «О работе в немецких колониях» (6 ноября 1929 г.), которая рекомендовала окружкомам «применение репрессий за задержку хлеба допускать лишь к кулацким хозяйствам» [25, д. 135, л. 7]. Она создавала видимость защиты интересов бедняцко-средняцкой части немецких колоний и вовлечения «низов» в процесс «раскулачивания». В действительности репрессивные меры проводились под жёстким контролем властных структур с опорой на карательный аппарат.

Партийно-советские органы, рассчитывая на опыт манипулирования крестьянами, с одной стороны, и на опыт насилия – с другой, неожиданно для себя столкнулись с сопротивлением. Оно выражалось в различных формах, в том числе в решениях бедняцких собраний, направленных против конфискации и продажи имущества «кулацких хозяйств» за невыполнение «твёрдых заданий» по хлебозаготовкам (в колониях Гляденского, Долино-Чернявского сельсоветов Благовещенского района и Протопоповского сельсовета Любинского района), «бабьих волынках» – массовых женских протестах против раскрестьянивания [7, д. 41, л. 197; 10, д. 51, л. 11].

Одной из форм пассивного протеста крестьян против политики усиления наступления на «кулачество», а в действительности – на крестьянство в целом являлась самоликвидация крестьянских хозяйств. Осенью 1929 г. только в Славгородском районе самоликвидировалось 63,9% немецких крестьянских хозяйств [6, д. 28, л. 233].

В Сибири была широко распространена практика применения чрезвычайных мер, введённая в 1928 г. в отношении крестьян, отказывавшихся от продажи хлеба по твёрдым государственным ценам, которые

были в 2-2,2 раза ниже рыночных. Спецсообщения, сводки, справки начальников окружных отделов ОГПУ содержат сведения о привлечении крестьян, не выполнивших «твердые задания» по хлебозаготовкам, к судебной ответственности по ст. 58-10, 61, 107, 167, 169 УК РСФСР. Особенно интенсивно эти статьи применялись в Омском, Барабинском, Минусинском, Славгородском округах, где проживало немецкое крестьянство. Крестьян приговаривали к лишению свободы на 1-3 года (реже – на более длительные сроки), к конфискации имущества, уплате штрафа. По данным Славгородского окружного отдела ОГПУ, к концу 1929 г. из числа «выявленных кулацких хозяйств» в Андреевском районе было «раскулачено» 95,8%, Знаменском – 95,7%, в Славгородском и Благовещенском – 100%, Немцемком – 95,7%, из них 22% – в результате пятикратного обложения, 17 (10,1%) глав «кулацких» семей привлечены к уголовной ответственности по ст. 61 ч. 2 и 3 УК РСФСР, 5,3% осуждены по ст. 79 и 169; 9,6% – по другим статьям с конфискацией имущества, 8,9% «раскулачены» в ходе следственных мероприятий [7, д. 34, л. 16].

«Раскулачивание» (раскрестьянивание) немецкой деревни фактически состоялось в 1929 г. во время хлебозаготовок (докладная записка председателя ЗСКИК от 13 октября 1930 г.) [14, д. 1408, л. 214 об.]. Однако процесс упразднения «класса *единоличное крестьянство*» и создания «класса *колхозное крестьянство*» продолжался.

Постановление бюро Омского окружкома ВКП(б) «О работе среди немецкого населения» (9 августа 1929 г.) и резолюция Сибкрайкома ВКП(б) «О работе в немецких колониях» (6 ноября 1929 г.) свидетельствуют, что в качестве меры усиления наступления на крестьянство планировалась «чистка колхозов», т.е. исключение «кулацких» хозяйств [7, д. 34, л. 16; 25, д. 10, л. 30]. Аналогичная директива в отношении кулачества Сибирского края в целом была дана Сибкрайкомом ВКП(б) лишь 30 декабря 1929 г. (постановление «О чистке колхозов и сельскохозяйственных объединений от кулацких элементов») [20, с. 16]. Таким образом, проведение акций по «чистке колхозов» в немецких сёлах планировалось значительно раньше, чем в крае в целом. Вступление «кулаков» в колхозы рассматривалось как уголовно наказуемое деяние, а созданные с их участием колхозы квалифицировались как лжеколхозы.

«Ликвидация кулачества как класса», проводившаяся в начале 1930-х гг., являлась важнейшей составляющей сталинской социальной инженерии [24, с. 177]. Официальная кампания по «раскулачиванию», развернувшаяся в Сибири на основе постановления крайкома партии «О мерах по выполнению решения ЦК ВКП(б) “О темпах коллективизации и ликвидации кулачества как класса”» (2 февраля 1930 г.), была направлена на уничтожение индивидуального крестьянского хозяйства [8, д. 3468, л. 22-28]. 1 марта 1930 г. председателям окрисполкомов «в развитие постановления СКИКа от 12 февраля» (определяло «порядок экспроприации кулацких хозяйств») по прямому проводу ПП ОГПУ было передано циркулярное письмо, которое разъясняло: «Не подлежат конфискации и переселению хозяйства и семьи немцев, если сёла и районы полностью ещё не перешли к сплошной коллективизации» [15, д. 111, л. 54; 23, с. 51]. Архивные документы не оставляют сомнений в том, что данная директива нарушалась.

Несмотря на отсутствие официального решения краевых органов власти по осуществлению в немецких колониях курса на «ликвидацию кулачества как класса», в 1930 г. «раскулачивание» и выселение крестьян-немцев проводилось в Сибири, как и в стране в целом. Первый этап официальной кампании «ликвидации кулачества как класса» осуществлялся в течение 1930 г. В Омском округе кампания по ликвидации «кулацких» хозяйств уже в январе-феврале 1930 г. приняла широкий размах, в отличие от Славгородского округа, в котором крестьяне активнее сопротивлялись насильственной коллективизации, вновь надеясь на возможность эмиграции. Особенно энергично проводили «раскулачивание» в Ново-Омском районе, где к 1 марта 1930 г. было ликвидировано 103 (4,9%) крестьянских хозяйства, из них 83 принудительно переселены в необжитые районы Сибирского края. В Исилькульском районе было «раскулачено» и выселено 10 крестьянских хозяйств, в Благовещенском районе распродано имущество 13 «кулацких» хозяйств [7, д. 41, л. 197; 14, д. 1164, л. 33; 25, д. 53, л. 511].

В официальных решениях партийных и советских органов постоянно подчеркивалось, что «раскулачивание» должно осуществляться на базе сплошной коллективизации. В действительности насилие над крестьянами и «голоое раскулачивание» использовались как средство активизации коллективизации.

Партийные и советские органы давали местным работникам указание «поднимать и разжигать классовую ненависть масс к кулачеству». Однако в немецких сёлах реализовать данную директиву было сложно. При этом местные органы власти имели представление о том, что процесс расслоения немецкого крестьянства развивался «чрезвычайно медленно, особенно в меннонитских поселках» [7, д. 41, л. 124]. Зажиточная часть немецкой деревни не допускала, чтобы бедняки и батраки оставались без экономической поддержки, кроме того, в немецких деревнях большинство семей находилось друг с другом в родственных отношениях. Например, в селе Сосновка Ново-Омского района из 200 крестьянских семей 153 имели родственные отношения. Секретарь Славгородского окружкома партии Конончук констатировал, что в немецкой деревне «нет людей, которые умели бы ненавидеть классовую ненавистью кулака, способных повести за собой на строительство колхозов» [4, д. 75, л. 7].

В Сибири, как и в других регионах, в состав которых входили национальные районы, группы немецкой бедноты и батрачества при сельсоветах, кресткомах, кооперативных организациях создавались с большими трудностями.

В связи с тем, что крестьяне относились к «раскулачиванию» отрицательно, экспроприация хозяйств и выселение крестьянских семей в основном осуществлялись без участия батрацко-бедняцких групп и бедняцко-средняцкого актива, либо эти действия носили формальный характер. Не случайно циркулярное письмо ВЦИК (12 апреля 1930 г.) содержало требование к исполкомам в национальных районах «принять решительные меры к укреплению работы Советов и к организации групп бедноты, уделив особое внимание... сплочению бедняцко-средняцких масс вокруг задач коллективизации, изоляции кулачества и ликвидации его как класса на базе сплошной коллективизации» [14, д. 1164, л. 289].

Насильственная экспроприация (раскрестьянивание) захватила средние и даже бедные слои немецкой деревни. В феврале-марте 1930 г. по указанию председателя Гришковского сельсовета Немецкого района была произведена опись имущества 70 хозяйств середняков и бедняков [7, д. 35, л. 11]. В первой половине 1930 г. экспроприация (конфискация имущества) середняцких хозяйств получила особый размах в Омском округе. 6 июля 1930 г. В. А. Курц (член ВЦИК) сообщил: «Мероприятия по раскулачиванию в очень многих случаях применялись как мера воздействия против середняков, не пожелавших вступить в колхозы, из общего количества в административном порядке высланных кулаков по Омскому округу половина была возвращена органами ОГПУ со стороны пунктов и с дороги, ... они оказывались хозяйственно подорванными..., лишёнными всяких прав и скитались в сёлах, находясь под постоянной угрозой местных органов власти и под страхом новой высылки» [14, д. 1408, л. 214 об.].

«Раскулачивание» и выселение крестьян привело к сопротивлению, которое имело различные формы – как активные, так и пассивные. Неприятие проводимой политики крестьяне открыто выражали на собраниях. Жители меннонитских колоний Славгородского района высказали своё отношение к аресту крестьян, хозяйства которых были отнесены к первой категории, следующим образом: «они не виноваты, они страдают ни за что, Советская власть губит людей» [7, д. 13, л. 27]. В Протопоповском сельсовете Любинского района беднота выступила в защиту «кулаков» [10, д. 51, л. 11].

В 1929-1930 гг. самоликвидация крестьянских хозяйств была одной из форм пассивного протеста. По данным начальника Славгородского окружного ОГПУ (начало 1930 г.), в пяти районах округа, где немцы проживали наиболее компактно (Андреевском, Благовещенском, Знаменском, Немецком, Славгородском), за убой скота и бегство из деревни был осужден (по ст. 79 и 169 УК РСФСР) 391 крестьянин [7, д. 34, л. 16]. Самоликвидация хозяйств получила широкое распространение и в связи с такой формой сопротивления «раскулачиванию» и коллективизации, как бегство из деревни. Только в течение июня 1930 г. из Немецкого района в город переселилось 98 семей (249 чел.) [6, д. 18, л. 68]. В Сибири местом прибежища крестьян, спасавшихся от коллективизации и «раскулачивания», стал Кузбасс.

Крестьянский протест против насилия нашел своё выражение и в массовых выступлениях, одно из которых состоялось 2 июля 1930 г. в пос. Гальштатт Немецкого района. В «Сводке террористических выступлений кулачества при проведении хозяйственно-политических кампаний» (15 сентября 1930 г.), направленной прокурором Сибкрая Бурмистровым секретарю крайкома ВКП(б) Р. Э. Эйхе, события 2 июля названы «массовыми беспорядками в связи с перегибами» [10, д. 107, л. 44]. Выступление крестьян было вызвано рядом причин, в том числе неприятием политики партии и правительства по отношению к крестьянству (коллективизация, сельхозналог, хлебозаготовки, «ликвидация кулачества как класса»), осуждением на длительные сроки заключения «кулаков» и проповедников «за контрреволюционную деятельность». В течение нескольких дней, 3-6 июля, ОГПУ постаралось изъять из сёл активных участников крестьянского выступления [1, с. 114]. Протест крестьян был следствием политики насилия официальных властей. В ходе осуществления лозунга «ликвидации кулачества как класса» и репрессий 1934-1938 гг. большинство участников крестьянского выступления 2 июля 1930 г. были репрессированы.

Весной и летом 1931 г. в связи с замедлением темпов колхозного строительства власти организовали второй этап «ликвидации кулачества как класса» – новую массовую репрессивную акцию. Это было связано не только с курсом советского руководства на «организацию нового прилива в колхозы», но и с задачей обеспечения экономики «принудительно используемой крестьянской рабочей силой». Беззаконие лишь для формы облачалось в законодательные и подзаконные акты. Запсибкрайком (27 апреля 1931 г.) и Запсибкрайисполком (5 мая 1931 г.) поставили задачу: «экспроприации и выселению подвергнуть все установленные кулацкие хозяйства» – и особо подчеркнули: «кулаки-немцы подлежат выселению» [15, д. 121, л. 25-28, 36 – 37 об.]. Речь шла об экспроприации уже «бывших кулаков» – крестьян, работающих в колхозах и совхозах. В постановлениях ключевую роль играл военный термин «ликвидация». Механизм ликвидации укладывался в два слагаемых: конфискация имущества и высылка. Экспроприацию «кулацких» хозяйств и выселение планировалось провести в чрезвычайно короткие сроки – с 20 мая по 10 июня 1931 г. Обосновывая решение относительно «кулаков-немцев», первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе писал в личном письме И. Сталину (3 мая 1931 г.): «Выселению подлежат кулацкие хозяйства, в том числе и те, кто осел в колхозах, за исключением красных партизан и западных национальностей, кроме кулаков-немцев, которые будут экспропрированы и выселены». Среди аргументов за выселение крестьян перечислялись следующие: высокий темп коллективизации в «немецких населённых пунктах», постановления общих собраний немцев-колхозников с «просьбой выселить из пределов их колхозов (или населённых пунктов) кулаков, так как они ведут злостную антиколхозную вредительскую работу» [Цит. по: 1, с. 132-133].

Выделение крестьян-немцев из группы «западных национальностей» объяснялось особым отношением к ним краевых органов власти. Аргументы Р. Эйхе за выселение «кулаков-немцев» были лишены логики. «Чистка» колхозов являлась одним из способов «довыявления кулацких хозяйств» с целью расширения списка крестьян, подлежащих выселению, и проводилась не по инициативе колхозников, а по решению краевых и районных органов власти. По данным на 3 марта 1931 г. только из двух колхозов Немецкого района было «вычищено 18 кулаков» [14, д. 1408, л. 218 об., 219]. Они стали кандидатами на выселение.

Призрачная видимость дифференцированного подхода к ликвидируемым хозяйствам обесценивалась самым фактом установления для регионов контрольных цифр по «раскулачиванию» хозяйств с указанием численности репрессируемых – крестьян, подлежащих выселению. По принятым директивным установкам

внутри Западной Сибири депортация осуществлялась главным образом в направлении с юга на север, в так называемые северные (Нарымские) комендатуры СибЛАГА. Большинство спецпереселенцев Нарыма были заняты на лесоразработках, в сельском хозяйстве, рыбном промысле. Труд спецпереселенцев-немцев использовался и на предприятиях Кузнецкстроя. Проблема нехватки рабочих в Кузбассе решалась не только за счёт плановой отправки спецпереселенцев. По данным на 14 декабря 1931 г., в Немецком районе было завербовано и отправлено в Кузбасс 478 чел., кроме того, 200 чел. ждали отправки, которая была отложена в связи с эпидемией чёрной оспы [12, д. 40, л. 13 об.]. Нередко крестьяне добровольно отправлялись на работу в Кузбасс для того, чтобы избежать «раскулачивания», спасти семью от трагедии.

Общее число выселенных в 1931 г. немецких крестьянских семей установить не удалось. В документах центральных и местных органов ОГПУ-НКВД (1930-е гг.) почти нет сведений о национальном составе спецпереселенцев. Лишь крайне редко в отчётах местных органов ОГПУ-НКВД называется их национальный состав по семейному признаку, то есть по национальности главы семьи. Документы советских и партийных органов содержат лишь отрывочные данные по некоторым районам Сибири. Из Исилькульского района только в течение 15 дней в северные районы Сибири было депортировано 33 семьи, или 136 человек [11, д. 104, л. 6]. По данным В. И. Бруля, из Немецкого района в Нарым было выслано 20% крестьян [3, с. 117].

Многочисленные постановления краевых и районных органов власти свидетельствуют об усилении административного нажима, ужесточении репрессивных мер против немецких крестьян в ходе хлебозаготовок 1932-1934 гг. [14, д. 1329, л. 2, 3]. Однако ни постановления, ни репрессии, ни насаждение колхозов не решали проблему хлебозаготовок.

Голодающую деревню захлестнула новая волна административного произвола и насилия. В специальной инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР (8 мая 1933 г.), подписанной И. Сталиным и В. Молотовым, осуждались «массовые беспорядочные аресты», запрещалось «производство арестов лицами, на то не уполномоченными по закону», «заключение под стражу до суда за маловажные преступления» [21]. Уменьшение в Западной Сибири количества осуждённых крестьян с 11709 человек в 1933 г. до 5733 человек в 1934 г. являлось прямым результатом реализации инструкции [13, д. 214, л. 84]. Произошло сокращение и численности репрессированных «кулаков» с 2338 в 1933 г. до 1715 человек в 1934 г. [Там же].

Для немецкого крестьянства ослабление репрессий и сокращение выселений крестьян в ходе хлебоуборочной и хлебозаготовительной кампании имело место до постановления крайкома ВКП(б) (13 ноября 1934 г.) [9, д. 60 в, л. 85-88]. Однако это не относилось к Немецкому району, на который прежде всего и было направлено острие репрессий. Раскрестьянивание немецкой деревни в Сибири продолжалось до конца 1934 – начала 1935 г., о чём свидетельствуют репрессивные акции по национальному признаку, в ходе которых осуществлялась «чистка» различных предприятий, колхозов и совхозов от так называемых «чуждых кулацких элементов».

Приведённая историческая ретроспектива позволила выявить (по крайней мере) три особенности процесса раскрестьянивания немецкой деревни в Сибири.

1. В немецких деревнях процент «выявленных кулаков» был значительно выше, чем в Сибири в целом.
2. Проведение акций по «чистке колхозов» в немецких колониях планировалось и осуществлялось значительно раньше, чем в целом.
3. Экспроприация крестьянских хозяйств в основном проводилась без участия батрацко-средняцких групп и бедняцко-средняцкого актива.

Итак, кампания по «раскулачиванию» имела конфискационно-репрессивные приоритеты. Фактически ликвидация «кулацких» хозяйств в немецких колониях была осуществлена во второй половине 1929 г. Официальная кампания по «ликвидации кулачества как класса», проводимая в Сибири с начала 1930 г., несмотря на оговорки краевых органов, в отношении немецких крестьян осуществлялась в то же самое время и в немецких колониях и закончилась лишь в конце 1934 – начале 1935 г.

Список литературы

1. Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.). М.: IVDK, 1995. 317 с.
2. Борисов Ю. С., Курицын В. М., Хван Ю. С. Политическая система конца 20-30-х годов. О Сталине и сталинизме // Историки спорят. 13 бесед / под ред. В. С. Лельчук. М.: Политиздат, 1989. С. 229-303.
3. Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха, 1995. 192 с.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-38. Оп. 4.
5. ГААК. Ф. П-38. Оп. 5.
6. ГААК. Ф. П-38. Оп. 6.
7. ГААК. Ф. П-38. Оп. 7.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 1.
9. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1.
10. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3.
11. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4.
12. ГАНО. Ф. П-7. Оп. 1.
13. ГАНО. Ф. 20. Оп. 1.
14. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1.
15. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5.
16. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 28. Оп. 1.

17. **Гущин Н. Я.** «Раскулачивание» в Сибири (1928-1934 гг.): методы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 160 с.
18. **Доброноженко Г. Ф.** Сельские эксплуататоры: границы социального пространства (критерии идентификации в законодательстве конца 1920-х гг.) // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2010. Вып. 4. С. 72-82.
19. **Документы свидетельствуют:** из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. 526 с.
20. **Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937 гг.):** документы и материалы. Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1957. 334 с.
21. **О прекращении применения масштабных выселений и острых форм репрессий в деревне** [Электронный ресурс]: Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. № П-6028. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
22. **Самосудов В. М.** Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 1990-х гг.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 141 с.
23. **Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930-1931 гг.** / сост. С. А. Красильников и др. Новосибирск: Наука, 1992. 287 с.
24. **Суслов А. А.** Изъятие крестьянской собственности в процессе социалистического преобразования деревни в начале 1930-х гг. (на примере Пермского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27). Ч. II. С. 172-177.
25. **Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНПО).** Ф. 7. Оп. 5.

“DEKULAKIZATION” OF THE GERMAN VILLAGE IN SIBERIA: STAGES AND FEATURES. 1929-1935

Gerber Ol'ga Aleksandrovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Siberian University of Consumer Cooperation
gerberoa@mail.ru

The author determines the stages and features of the German village dekulakization, in particular shows that the rate of “identified kulaks” was significantly higher in the German colonies than in the whole of Siberia, the expropriation of the farms was mainly carried out without the participation of farm laborers, poor peasants’ groups and poor and middle class most active members, and, according to the author, the main methods, by which the state reached its goals, were administrative coercion and repressions.

Key words and phrases: peasantry; liquidation of peasant farms; “dekulakization”; “kulaks”; “liquidation of kulaks as a class”; the German Area; German colonies.

УДК 316.334.3

Политология

Автором статьи рассматриваются понятия «политическая идентичность» и «социальная идентичность», обуславливаются их взаимосвязь и взаимозависимость, а также обоюдное влияние данных концептов. Кроме того, раскрывается воздействие указанных типов идентичности на поведение субъекта. Вместе с тем, в работе проведён анализ массива современных, наиболее актуальных зарубежных исследований, посвящённых вопросам социальной и политической идентичности индивида и соотношению указанных типов идентичности друг с другом.

Ключевые слова и фразы: идентичность; идентификация; политическая идентичность; политическая идентификация; социальная идентичность; социальная идентификация.

Гусев Артём Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
argus_89@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ[©]

Политическая идентичность является одной из ключевых тем современных исследований в области обществоведческих и гуманитарных наук. В первую очередь к ним относятся политическая социология, политическая психология и другие области политического знания. Категория идентичности первоначально развивалась как философская категория, однако со временем она вышла за привычные рамки, привлекая внимание учёных, занимающихся проблемами социальной антропологии и психологии [5, с. 14].

Политическая идентичность является результатом процесса политической идентификации, которая в свою очередь представляет собой осознание индивидом себя как участника политического процесса, а также соотношение себя с какой-либо политической позицией в совокупности с признанием этого другими участниками политических отношений. Таким образом, в данном процессе принимают участие две стороны: с одной стороны, сам